

НЕОБХОДИМОСТЬ ИЗМЕНЕНИЯ МЕХАНИЗМА ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

© 2017 г. **В.Л. Малышев**¹

(Москва)

Аннотация. В статье рассмотрена возможность суверенизации экономики России в условиях объявленных промышленно развитыми странами санкций. Автор считает, что основой достижения возможной самостоятельности функционирования экономики должно стать совершенствование механизма производственной деятельности, которое не только позволит осуществить замещение импорта, но и создаст условия для достижения экономикой России в рамках мирового экономического порядка статуса технологической державы. Реформирование экономики России для достижения этой цели, по мнению автора, следует начать с атома экономики – процесса воспроизводства. Переход к предлагаемому в статье воспроизводству ресурсов производства, объединяющему функционирование производителя и потребителя каждого из продуктов, при информационной симметрии межотраслевого межфирменного сотрудничества позволит экономике России функционировать, во-первых, как экономике *ex ante*, во-вторых, как единому экономическому пространству.

Ключевые слова: воспроизводство ресурсов производства, микроуровень, макроуровень, максимизирующее поведение, межотраслевые межфирменные отношения, межотраслевое межфирменное сотрудничество, информационная асимметрия, информационная симметрия, производительное потребление, потребительное производство, органическое строение ресурсов производства (капитала).

Классификация JEL: D.

Экономика России в настоящее время нуждается в изменении направления развития². Особую значимость приобретает необходимость совершенствования *механизма производственной деятельности* – иными словами, тех правил игры, которые в соответствии с концепцией Д. Норта определяют поведение – не только как взаимоотношения между людьми (Норт, 1997, с. 17), но и как *правила поведения субъектов производственной деятельности в процессе воспроизводства*. Актуальность подобного преобразования возросла в связи с объявлением санкций промышленно развитыми странами по отношению к России, соответственно – в связи с необходимостью суверенизации ее экономики.

В большинстве своем ответ на санкции в настоящее время определяется в основном в форме необходимости замещения товаров, импортируемых ранее из промышленно развитых стран и являющихся объектом санкций. На наш взгляд, мероприятия, направленные на замещение импорта, можно признать необходимыми, но в то же время следует отметить их единовременный характер. Но что будет, если эти санкции станут наказанием, которое будет применяться постоянно? Следует отметить, что современная экономика России при существующем механизме производственной деятельности ответа на этот вопрос не дает.

Несомненно, что мысли о введении санкций, тем более по многим товарам, не возникло бы в отношении СССР, механизм производственной деятельности которого функционировал при условии возможности практически полного замещения импорта. Значит ли это, что надо вернуться к директивному управлению экономикой? Эта мера, по нашему мнению, может быть приемлема, но как тактическая. Тем более что возвращение будет воспринято в мире однозначно отрицательно, что, впрочем, не лишает эту меру актуальности с точки зрения суверенизации экономики России.

¹ Валерий Львович Малышев – доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник ЦЭМИ РАН, Москва; malyshev-39@mail.ru.

² Некоторые из терминов, такие, например, как “направление развития”, “механизм производственной деятельности”, “межотраслевые межфирменные отношения”, “субъекты производственной деятельности” и т.д., введены автором и нуждаются в пояснении. Их определения и описания даны в книге (Малышев, 2016).

Однако основным фактором стратегии для развития экономики России, учитывая, что государственным руководством поставлена задача достижения в рамках мирового экономического порядка статуса технологической державы, по нашему мнению, должен стать переход экономики к принципиально новому механизму производственной деятельности. Для того чтобы определить основные признаки этого механизма в России, сначала коснемся некоторых аспектов развития ее экономики как до, так и после перестройки.

Основное отличие директивного управления экономикой как механизма, функционировавшего до перестройки, — централизованное планирование и централизованное распределение ресурсов производства, лишавшие субъектов производственной деятельности возможности проявлять инициативу. При этом разговоры о волюнтаризме верхов, ведущиеся до настоящего времени российскими либералами, основаны на незнании практики производственной деятельности того времени. Государственное руководство было поставлено в жесткие формальные ограничения, обусловленные, во-первых, необходимостью функционирования всех предприятий СССР, во-вторых, необходимостью обеспечения всеобщей занятости трудоспособного населения.

На первых этапах функционирования экономики, особенно в условиях автаркии (как результат отказа России платить по царским долгам), директивность в управлении дала положительные результаты. *Опыт России показал, что директивность в управлении — как форма полного господства макро- над микроуровнем — приводит к положительным результатам в случае разного рода экстремальных ситуаций: войн, техногенных катастроф и т.д.* Однако подобного рода периоды невечны. И хотя государственное руководство пыталось сохранить свое положение в СССР как можно дольше, ссылаясь и на пережитки прошлого, и на капиталистическое окружение, и на многое другое, необходимость перестройки экономики назрела.

Но перестройка была проведена абсолютно неправильно: на основе дихотомии “план — рынок”. Таким образом, на основе полного отрицания элементов *рутины* — факторов предшествующего развития, которые было бы полезно перенести на будущее, т.е. факторов нормального и предсказуемого в деловом поведении (Нельсон, Уинтер, 2002, с. 36). Между тем, если бы либералы, проводившие реформу, были более компетентны в механизме производственной деятельности до перестройки, в методах планирования экономики, они, несомненно, нашли бы там также ряд полезных элементов развития. Например:

- первичность межотраслевых отношений как формы народнохозяйственного планирования;
- использование объективно обусловленных оценок Л. Канторовича;
- использование распределительной функции цен;
- информационная симметрия процессов производства продуктов и потребления этих продуктов как ресурсов производства.

Эти и ряд других элементов развития экономики до перестройки было бы полезно использовать в будущем развитии экономики России, практически опровергнув, таким образом, дихотомию “план — рынок”. К сожалению, либералы, проводившие реформу, пошли по иному пути. Практически был выбран путь догоняющего развития. Считая, что опыт промышленно развитых стран может стать путеводной звездой преобразований (Е. Гайдар, Г. Явлинский), а также что повторение этапов развития промышленно развитых стран в российской экономике пойдет быстрее, чем в этих странах, они практически развалили всю экономику.

Свобода производителя у российских либералов вылилась в функционирование экономики на основе политики *laissez-faire*, суть которой, по мнению В. Ойкена, “базируется на убеждении, что пригодные формы и, следовательно, рациональный экономический порядок станут развиваться сами собой из стихийных сил общества по направлению снизу вверх” (Ойкен, 1995, с. 80).

К сожалению, ничего, кроме полного развала экономики России, падения ее потенциала почти в два раза³, эта политика не принесла. Россия не только ухудшила свою ситуацию в рамках мирового экономического порядка, но и существенно углубила сырьевую ориентацию

³ Базисный темп роста ВВП в период 1991–1998 гг., по нашим расчетам, составил 60,5%. Расчет проведен на основе (Россия в цифрах, 2000, с. 32).

экономики, достигла высокого уровня монополизма, поддерживаемого финансовой олигархией, быстро сложившейся в России при высоком уровне отраслевой концентрации производства до перестройки.

Государственное руководство с приходом к власти В. Путина смогло покончить с олигархией, но с монополизмом российской экономики и его отрицательными последствиями для экономики России оно покончить не может до сих пор. Объясняется это тем, в частности, что монополизм как форма максимизирующего поведения и в настоящее время основной фактор механизма производственной деятельности России. Однако с недостатками механизма производственной деятельности в условиях рынка законодательными мерами покончить невозможно. Например, нельзя законодательно заставить субъектов производственной деятельности функционировать исходя не из критерия максимизации прибыли, а из критерия минимизации транзакционных издержек. Тем более что максимизирующее поведение вполне устраивает российских монополистов, сохраняющих лидирующее положение в экономике России при ее сырьевой ориентации.

Нельзя не отметить и того, что монополизм стал в российской экономике инициативой руководителей ряда крупных производственных объединений. Эти руководители быстро поняли, что введение права собственности предоставляет громадные возможности для максимизации прибыли. Этому же способствовала возникшая при праве собственности ограниченность воспроизводства сбыта продукта производства⁴, а потому и определяющие максимизирующее поведение:

- внутриотраслевая межфирменная конкуренция;
- межотраслевая межфирменная коммерческая тайна;
- стремление каждого субъекта производственной деятельности максимизировать прибыль.

В настоящее время экономика России с точки зрения механизма производственной деятельности все также топчется на максимизирующем поведении. При этом многие почему-то прислушиваются к мнению российских либералов, считающих, как, например, (Мау, 2005, с. 4–27), что в России уже в 2005 г. были “практически полностью исчерпаны резервы повышения экономической эффективности, консолидации роста исключительно на базе собственно экономической сферы, экономического законодательства. Страна подошла к такой фазе, когда дальнейшее экономическое развитие будет предопределяться состоянием политических и правовых институтов”.

В противоположность этому мы считаем, что именно экономическая сфера и экономическое законодательство в первую очередь нуждаются в совершенствовании. Нельзя не отметить, что максимизирующее поведение было характерно для промышленно развитых стран в период середины – конца XIX в. Таким образом, российская экономика в институциональном развитии отстает в настоящее время от промышленно развитых стран более чем на столетие. Однако отставание в институциональном развитии, при том, что Россия в рамках мирового экономического порядка входит в число ведущих держав, по нашему мнению, свидетельствует лишь о том, что ее экономика обладает существенным запасом нераскрытых резервов, коренящихся, в частности, в совершенствовании институционального развития.

Следует подчеркнуть, что проблема совершенствования механизма производственной деятельности, решаемая на основе мероприятий, проводимых государством (на макроуровне), перед экономикой промышленно развитых стран, считающихся для большинства российских экономистов эталоном развития, не стояла. Развитие этих стран, в большинстве своем, проходило эволюционно, за длительный период времени, под влиянием научно-технического прогресса как основного фактора не только роста научно-технического уровня производства и использования продуктов, но и институциональных изменений в экономике. Научно-технический уровень экономики далеко не всегда четко зависит от институциональных изменений, и поэтому достаточно сложно определить (с точки зрения времени) этапы преобразования экономики в отдельных странах. Однако с точки зрения методологии преобразований этапы их осуществления все же

⁴ Критика К. Марксом капиталистических производственных отношений во многом связана с критикой ограниченности воспроизводства сбытом продуктов производства как причины кризисов. См., например, (Маркс, 1975, с. 334).

следует рассматривать как опыт, необходимый для преобразований в России. Но это не означает повторения этого опыта, обрекающего экономику России на догоняющее развитие.

На это есть ряд причин.

Во-первых, для экономики России догоняющее развитие при современном уровне институтов означает десятилетия эволюции, при которой государство должно ожидать перехода российских субъектов производственной деятельности от критерия максимизации прибыли неоклассического направления к критерию минимизации транзакционных издержек институционального направления. Учитывая, что сырьевая ориентация экономики России существенно выше, чем экономики промышленно развитых стран, а также и то, что эта ориентация предполагает склонность к максимизирующему поведению, указанная эволюция будет происходить существенно дольше, чем в промышленно развитых странах.

Во-вторых, следует учитывать, что в определении институциональных основ развития экономики даже у исследователей рыночных отношений нет единого мнения. В самом общем виде различие мнений можно характеризовать, исходя из вариантов развития, определяемых М. Блаугом (Блауг, 2004, с. 96–104).

Определяя первый вариант развития, М. Блауг ссылается на К. Поппера, который в “Нищете историцизма” характеризует развитие экономики на основе *методологического монизма*. По его мнению, «все теоретические и обобщающие науки должны пользоваться одинаковым методом, опираясь на принцип “методологического индивидуализма”». Потому “задача социальной теории заключается в том, чтобы построить и внимательно анализировать наши социологические модели с дескриптивной, или номиналистической, точки зрения, т.е. с точки зрения индивидов, их взглядов, ожиданий, взаимоотношений и т.д.”⁵.

Данный принцип, как утверждает К. Поппер, “противоположен несостоятельному принципу *методологического холизма*, при котором социальные группы обладают целями и функциями, несводимыми к убеждениям, установкам и действиям составляющих их индивидов” (Блауг, 2004, с. 100). Защищая принцип методологического холизма, М. Блауг справедливо отмечает, что если бы этот принцип был несправедлив, то “фактически все макроэкономические утверждения, несводимые к микроэкономическим, оказались бы вне закона, а поскольку такой сводимостью пока могут похвастать лишь немногие из них, это означало бы распрощаться со всей общепризнанной экономической теорией” (там же, с. 102).

Однако многие из современных экономистов, исследующих рыночные отношения, все же признают в качестве основы развития экономики положения, определяемые “методологическим индивидуализмом” поведения субъектов производственной деятельности. Отметим точку зрения, на наш взгляд, наиболее ярких представителей этих взглядов.

В частности, сторонник школы прав собственности Г. Демсец считает, что “первостепенная функция прав собственности – создавать стимулы к достижению большей интернализации экстерналий” (Ходжсон, 2003, с. 227), т.е. право собственности служит лишь для расширения использования идей “методологического индивидуализма”. Критикуя данную точку зрения, Дж. Ходжсон справедливо отмечает, что подобная формула – «приложение затасканной догмы классического либерализма: “индивид – лучший судья собственного благосостояния”» (там же, с. 227).

Ряд исследователей современного рынка считают методологический индивидуализм центром модели функционирования экономики.

Например, Дж. Бьюкенен⁶ и Г. Таллок при формулировании гипотезы о “целях коллективных действий” рассматривают “коллективные действия как совокупность индивидуальных действий”. А потому развиваемая ими “теория коллективного выбора” может быть наилучшим образом “классифицирована как методологический индивидуализм” (Бьюкенен, Таллок, 1997, с. 39).

⁵ Изложение данной точки зрения К. Поппера цитируется по (Блауг, 2004, с. 97).

⁶ Джеймс Бьюкенен – лауреат Нобелевской премии 1986 г.

Аналогичной точки зрения придерживается и К. Эрроу, который даже более жестко выражает свое мнение: “Если мы исключим возможность межличностных сравнений полезности, тогда единственный удовлетворительный способ перехода от индивидуальных вкусов и предпочтений к коллективным предпочтениям, который был бы определен для широкого диапазона наборов индивидуальных предпочтений, будет либо навязанным, либо диктаторским” (Эрроу, 2004).

Выражая свою точку зрения, отметим, что в современной экономике все же преобладают взгляды, определяемые приверженностью к методологическому холизму, оценивающему поведение социальных групп как не сводимое “к убеждениям, установкам и действиям составляющих их индивидов” (Блауг, 2004, с. 100).

Хрестоматийный пример: критерий минимизации транзакционных издержек (критерий институционального направления) предполагает выход за рамки функционирования отдельного субъекта производственной деятельности. Происходит этот выход, по нашему мнению, вследствие того что научно-технический прогресс постепенно переходит:

– от преимущественно внутриотраслевого научно-технического прогресса к преимущественно межотраслевому научно-техническому прогрессу;

– от первичности внутриотраслевой межфирменной конкуренции к первичности межотраслевых межфирменных отношений.

Думается, именно этим, в конечном итоге, объясняется переход экономики промышленно развитых стран от критерия максимизации прибыли неоклассического направления к критерию минимизации транзакционных издержек институционального направления.

Истоки наиболее распространенного в настоящее время институционального направления развития экономики были заложены еще в начале XX в. Именно в этот период наиболее яркие представители старого институционализма – Т. Веблен, Д. Коммонс, У. Митчелл – впервые обратили внимание не столько на функционирование субъектов производственной деятельности, сколько на транзакционные издержки, возникающие в результате передачи прав собственности от производителя к потребителю.

Так, в частности, Т. Веблен (Веблен, 2007, с. 22) писал: “Чем выше уровень развития индустриального общества, тем более всеобъемлющими и настоятельными становятся требования *согласования деятельности предприятий* (выделено мною. – В.М.). И чем в большей мере данная отрасль обретает характер механизированного процесса, чем теснее корреляция ее функционирования с другими отраслями, предшествующими или следующими за ней в технологической цепи, тем сильнее, при прочих равных условиях, потребность поддержания адекватных производственных связей с этими отраслями. Тем больший ущерб наносится промышленности вследствие любого нарушения сложившихся деловых связей и тем больший выигрыш можно извлечь из более тесной адаптации предприятий друг к другу”.

Согласование деятельности предприятий при межотраслевых межфирменных отношениях субъектов производственной деятельности предполагает критериальную особенность институционального направления – *критерий минимизации транзакционных издержек*. Именно на эту особенность межотраслевых межфирменных отношений обратили особое внимание представители “нового институционализма” – Д. Норт, Р. Коуз, О. Уильямсон, Р. Нельсон, С. Уинтер, Дж. Ходжсон – и ряд других исследователей современного функционирования экономики.

Если исходить из концепции, определяемой методологическим индивидуализмом, управление экономикой можно было бы осуществлять как одной большой фирмой. Но против этого, ссылаясь на убывающую доходность управления Н. Кальдора, возражает один из основателей нового институционализма – Р. Коуз. Согласно его мнению, “фирма будет расширяться до тех пор, пока издержки на организацию одной дополнительной транзакции внутри фирмы не сравняются с издержками на осуществление той же транзакции на открытом рынке” (Коуз, 1993, с. 42).

При этом, несмотря на то что Р. Коуз не смог отказаться от ограниченности воспроизводства сбытом продукта производства, им было выдвинуто положение о нулевых транзакционных издержках. При этих издержках (точнее, их отсутствии), даже учитывая тот факт, что

разграничение прав является существенно предпосылкой рыночных транзакций, конечный результат этих транзакций не зависит от правового решения (Коуз, 1993, с. 142). Таким образом, распределение (у Р. Коуза – аллокация (англ.)) ресурсов производства будет осуществляться, по мысли Р. Коуза, при отсутствии необходимости вмешательства государства, принимающего правовые решения. По сути, ту же идею высказывает и Д. Норт: “Если бы политические и экономические рынки были эффективными (т.е. если бы транзакционные издержки равнялись нулю), то руководители всегда бы делали правильный выбор” (Норт, 1997, с. 23).

Но почему столь, казалось бы, простое решение нельзя выполнить в рамках правил поведения существующей рыночной экономики? По нашему мнению, потому что институциональное направление не отрицает максимизирующего поведения: оно делает его вторичным признаком поведения субъектов производственной деятельности, переводя критерии этого поведения в “примеси”. По мнению одного из наиболее ярких представителей “нового институционализма” Дж. Ходжсона, «принцип примесей (impurity principle) – это представление о том, что в каждой системе (или подсистеме) содержатся “примеси”, которые, не будучи характерными для системы в целом, тем не менее, необходимы для ее функционирования» (Ходжсон, 2003, с. 248). Действительно, в промышленно развитых странах правила максимизирующего поведения отнюдь не отрицаются, хотя при критерии минимизации транзакционных издержек они функционируют как второстепенные. Возникает вопрос, почему же эти факторы необходимы. Более того, почему при благоприятной конъюнктуре рынка они могут стать решающими и экономика промышленно развитых стран может вернуться назад – от институционального направления к максимизирующему поведению, например в виде “голландской болезни”?

Ответ в сущности был дан нами выше, но, раскрывая его шире, отметим, что принципы максимизирующего поведения не отрицаются, потому что экономика промышленно развитых стран не может преодолеть недостатки капиталистических производственных отношений, которые критиковал еще К. Маркс в “Капитале”. Не может преодолеть до настоящего времени первичности права собственности и ограниченности воспроизводства сбытом продукта производства. Думается, достаточно сослаться на приводимые им причины возникновения кризиса, которые актуальны и до настоящего времени. Анализируя движение промышленного капитала в сфере обращения: он отмечает: “...в силу своего обособления, он (промышленный капитал. – *В.М.*) совершает свое движение в известных границах независимо от пределов, полагаемых процессом воспроизводства, и потому заставляет даже процесс воспроизводства выходить из своих пределов. Внутренняя зависимость и внешняя самостоятельность приводят его к такому пункту, когда внутренняя связь восстанавливается насильственно, посредством кризиса” (Маркс, 1975, с. 334).

Эта точка зрения К. Маркса не устарела и в современной экономике: ограниченность воспроизводства сбытом продукта производства характерна и для институционального направления. И, таким образом, современная экономика промышленно развитых стран отнюдь не свободна от кризисов. Вследствие этого повторение этапов промышленно развитых стран, по нашему мнению, отнюдь не лучшая модель развития будущей экономики России.

Отставание России от промышленно развитых стран в институциональном развитии отнюдь не означает, что наша страна не может выйти вперед в сравнении с институтами этих стран. И в развитии экономики России может быть выполнено одно из указаний В. Путина, которое звучит, скорее, как пожелание, а именно: “То, что мы находимся во многих отраслях на достаточно низком уровне... может быть хорошей предпосылкой для того, чтобы перепрыгнуть сразу через несколько этапов, – так, как это сделали другие страны” (Премьера Путина, 2008).

Мы считаем, что Россия может перепрыгнуть через этап институционального направления развития экономики, который в настоящее время характерен для промышленно развитых стран. И, таким образом, выйти на первое место в мире в институциональном развитии. Первенство в институциональном развитии станет мощной основой достижения Россией в период до 2020 г. статуса технологической державы.

В связи с этим следует отметить, что наиболее радикальной в настоящее время является позиция, выдвигаемая советником Президента РФ С. Глазьевым, – позиция, которую характеризует усиление роли государства в различных сферах экономической деятельности России (Глазьев, 2013). Считаем, что эта позиция требует особого обсуждения, поэтому мы не будем

останавливаться на ее концептуальных положениях. Отметим лишь, что предлагаемая нами концепция развития затрагивает функционирование субъектов производственной деятельности на микроуровне, в то время как концептуальные положения С. Глазьева – деятельность государственного управления на макроуровне. Думается, в будущем развитии экономики России оптимальным будет сочетание и тех, и других мероприятий. При этом мероприятия микроуровня могут стать мощным фундаментом повышения эффективности мероприятий на макроуровне.

Итак, каким образом России можно перепрыгнуть этап институционального развития, характерный для современного функционирования экономики промышленно развитых стран? Начинать следует с преобразования атома экономики – процесса воспроизводства. Для того чтобы понять, каким должен быть этот процесс, более совершенный, чем современный процесс воспроизводства промышленно развитых стран, рассмотрим вкратце⁷ сначала различия в процессах потребления, которые еще К. Маркс использовал при определении основ процесса воспроизводства.

Следует подчеркнуть, что и в этом случае К. Маркс не устарел, так как его анализ категории потребления, так же как и анализ трех форм кругооборота капитала (Маркс, 1980, с. 31–137), по нашему мнению, по-прежнему являются актуальными для современного развития рыночной экономики.

Отметим, что анализ двух форм категории потребления как категорий процесса воспроизводства К. Маркс рассматривал как некую концепцию современных ему политэкономов. При этом рассматривал лишь в одном из первых своих произведений – “Экономических рукописях” – первоначальном варианте “Капитала” (Маркс, 1980, с. 17–37). Характерно, что в самом “Капитале” эти различия не рассматриваются.

Почему? Процесс потребления у К. Маркса определяется двумя основными категориями. Первая категория потребления – потребление, определяемое им как: “Производство, непосредственно идентичное с потреблением, потребление, как непосредственно совпадающее с производством, они (современные ему политэкономы. – В.М.) называют производительным потреблением” (Маркс, 1980, с. 27).

Определение потребления как производительного потребления выдвигается К. Марсом для того чтобы отделить это потребление от потребительного производства – как уничтожающей противоположности производства (Маркс, 1980, с. 27).

В производительном потреблении производитель овеществляет себя, а в потребительном производстве персонифицируется произведенный производителем продукт (Маркс, 1980, с. 27). Иными словами, центром процесса воспроизводства при производительном потреблении является категория “производитель”, при потребительном производстве – категория “продукт”.

По мнению К. Маркса: “Потребление, рассматриваемое не только как конечный пункт, но также и как конечная цель, – лежит, собственно говоря, вне политической экономии, за исключением того, что он, в свою очередь, оказывает обратное воздействие на исходный пункт и вновь дает начало всему процессу” (Маркс, 1980, с. 26). То есть **потребительное производство**, по мнению К. Маркса, лежит **вне политической экономии**. Для него это аксиома, так как, по его мнению, для рыночной экономики не требуется доказательств первичности права собственности и ограниченности воспроизводства сбытом продукта производства. Подход к категории потребления как категории процесса воспроизводства, центром которого является производитель, характерен для всех этапов развития экономики: от взглядов классиков до современных политэкономов. Откуда столь явное единодушие в отрицании продукта как центра процесса воспроизводства?

Ответ на этот вопрос имеет не только теоретическое, но в большей степени практическое значение для будущей экономики России и ее функционирования как технологической державы. Практическое значение сводится во многом к тому, что при определении категории “продукт” центром процесса воспроизводства меняется сам процесс воспроизводства. Он будет определяться не процессом производства, а выйдет за рамки этого процесса и будет определяться в конечном счете процессом потребления продукта как ресурса производства. Процесс

⁷ Более подробно это различие анализируется в работах автора, в частности в работе (Малышев, 2013, с. 224–236).

воспроизводства при потребительном производстве объединит функционирование производителя и потребителя каждого продукта, при первичности процесса потребления продукта – как ресурса производства⁸.

Выход за рамки воспроизводства, ограниченного сбытом продукта, ни К. Маркс, ни современные политэкономы не могли и не могут представить, так как это означает смену парадигмы функционирования экономики. При ограниченности процесса воспроизводства сбытом продукта производства парадигмой становится “производство – цель потребления”. При выходе за рамки этой ограниченности парадигмой процесса воспроизводства станет “потребление – цель производства”. Это означает, что целью деятельности производителя станет процесс, находящийся в компетенции производителя уже следующего в технологической цепочке продукта, использующего данный продукт как ресурс производства.

Включение в процесс воспроизводства не только производства продукта, но и потребления продукта как ресурса производства придаст функционированию экономики России принципиально иное значение. Объединение производства и потребления каждого продукта в качестве составляющего процесс воспроизводства позволит объединить все процессы реального сектора экономики России в единую технологическую цепочку – единое экономическое пространство России.

Но что нужно, чтобы от экономики соперничества производителя и потребителя перейти к экономике их сотрудничества? На первом этапе – перейти от информационной асимметрии к информационной симметрии. Информационная асимметрия рассматривается О. Уильямсом как одна из форм экстерналий, провалов рынка, наряду с такими факторами, как неопределенность, двусторонняя зависимость, пределы принуждения, исходящие от третьей стороны, формирующие транзакционные издержки (Уильямсон, 2001, с. 13) как издержки несовпадения спроса и предложения продуктов.

Причину несовпадения спроса и предложения продуктов Й. Шумпетер рассматривает как основную причину кризиса: «Предположим, что открыли новый продукт питания, которому приписывают превосходные качества. Многие предприниматели начинают его производство, и для этого используется значительная часть капитала. Но предположим также, что нет ожидаемого спроса на продукт. В этом случае может начаться кризис. Любое “осуществление новых комбинаций”... таит опасность того, что на практике этот “корабль” сядет на мель. Этим в действительности объясняются многие частичные, а иногда и общие кризисы» (Шумпетер, 1982, с. 396).

Преодолевать подобные причины кризиса мы предлагаем за счет введения информационной симметрии как формы сотрудничества между производителем и потребителем каждого продукта, определяемой не только постоянным обменом информацией между ними, но и участием производителя продукта в потреблении этого продукта как ресурса производства – на следующем уровне технологической цепочки. Сотрудничество производителя с потребителем каждого продукта, необходимое для осуществления процесса воспроизводства, будет иметь принципиально иной критерий функционирования в сравнении с критерием максимизации прибыли, характерным для максимизирующего поведения субъектов производственной деятельности России в настоящее время.

Этим критерием будет критерий, аналогичный понятию, определяемому П. Самуэльсоном и В. Нордхаузом как понятие “эффективность”. Экономика, по их мнению, работает эффективно, “если невозможно улучшить экономическое положение одного человека, не ухудшив положения другого” (Самуэльсон, Нордхауз, 2007, с. 46). Следует отметить, что данное определение эффективности почти дословно повторяет положение оптимума по Парето. И этот исследователь считал, что максимального экономического благосостояния общество можно достигнуть в том случае, если улучшение положения одного или нескольких лиц невозможно без ухудшения положения другого или других лиц (Словарь по экономике, 2004, с. 349).

Анализируя возможность практического использования этого понятия оптимальности, Б. Селигмен справедливо его критикует, полагая, что “Парето, по-видимому, умышленно

⁸ Подробнее о процессе воспроизводства, объединяющем производство и потребление, см. (Малышев, 2013, с. 44–74).

отвлекался от фактора времени, так как считал изучение статического равновесия необходимым предварительным условием для изучения всех экономических процессов” (Селигмен, 1968, с. 253).

Нам представляется, что эти недостатки оптимума по Парето можно исправить, если динамизировать определение этого оптимума следующим образом: нельзя улучшить состояние одного или нескольких лиц, не улучшив состояния другого или других лиц. В этом случае не меняет положения тот факт, что речь будет идти о производственной сфере. Правда, необходимо учесть, что эффективной при таком подходе будет экономика, определяемая не равенством, а неравенством эффективности использования ресурсов производства, объясняемым неравенством межотраслевого межфирменного органического строения ресурсов производства⁹.

Каким же в таком случае будет критерий межотраслевого межфирменного сотрудничества? Особенностью этого критерия будет не только прямая, но и обратная связь, возникающая при проведении *ex ante* совместных расчетов партнерами: не только производитель *ex ante* будет учитывать требования потребителя, но и потребитель *ex ante* – возможности производителя. Подобные расчеты как фактор сотрудничества станут необходимостью в будущей экономике России как технологической державы. Дело в том, что увеличение значимости высокотехнологичных продуктов будет определять высокая диверсификация потребительских параметров, а потому актуальным станет объединение производства и потребления каждого из этих продуктов.

Критерий при объединении практически известен и, несомненно, используется в практике производственной деятельности. Это – самостоятельность воспроизводства ресурсов производства каждым из партнеров процесса воспроизводства. Можно отметить, что самостоятельность воспроизводства ресурсов производства определяет возможность функционирования любого субъекта производственной деятельности в условиях рынка, отсутствие этой самостоятельности, как известно, приводит к банкротству. При информационной симметрии определение самостоятельности воспроизводства ресурсов производства станет результатом совместных расчетов, проводимых партнерами (производителем и потребителем продукта) для достижения равенства этой возможности, считая к тому же это равенство фактором сбалансированности экономики.

Переход к рынку сделал показатель самостоятельности воспроизводства ресурсов производства основным в процессе производственной деятельности. Максимизирующее поведение, характерное для современных российских субъектов производственной деятельности, является причиной того факта, что при коммерческой тайне перелив ресурсов производства эмпирически приводит экономику к делению на отрасли-доноры, обеспечивающие самостоятельное воспроизводство ресурсов производства, и отрасли-реципиенты, не обеспечивающие этого воспроизводства.

Если учесть, что при сырьевой ориентации в число отраслей-реципиентов в настоящее время входят отрасли и производства высокотехнологичной продукции, то достижение экономикой России статуса технологической державы при остающемся максимизирующем поведении субъектов производственной деятельности потребует существенных усилий со стороны государства, – например при финансировании производства этой продукции. Но при отсутствии беспрепятственного перелива ресурсов производства – следствия информационной асимметрии – это финансирование будет локализовано в сфере производства, в то время как эффективным с точки зрения экономики страны должно быть использование высокотехнологичных продуктов как ресурсов производства, т.е. их потребление.

Таким образом, задачей функционирования экономики России как технологической державы, по нашему мнению, должно стать обеспечение беспрепятственного перелива ресурсов производства с целью достижения равенства в возможности производства и потребления каждого продукта. Именно это равенство будет создано при переходе экономики России к воспроизводству ресурсов производства. Беспрепятственный перелив ресурсов производства обеспечит переход экономики России к функционированию на основе межотраслевого межфирменного сотрудничества,

⁹ Об органическом строении ресурсов производства как соотношении постоянного и переменного капитала см. (Маркс, 1975, с. 626–627).

воплощающегося (в процессе воспроизводства ресурсов производства) в сотрудничестве каждого производителя продукта с каждым из потребителей этого продукта как ресурса производства¹⁰.

При беспрепятственном переливе ресурсов производства повышение научно-технического уровня отраслей и производств нового технологического уклада практически единовременно будет транслировано в повышение научно-технического уровня всех отраслей и производств реального сектора экономики России. Этот беспрепятственный перелив создаст условия для первоочередного роста научно-технического уровня продуктов, при производстве которых продукты нового технологического уклада станут ресурсами производства.

Информационная симметрия станет тем фактором, который позволит обеспечить соответствие научно-технического уровня продуктов научно-техническому уровню использования этих продуктов как ресурсов производства. Автор (в том числе и по собственному опыту) знает, что при производстве и использовании высокотехнологичных продуктов на первое место выступает технологическая аддитивность этих процессов, т.е. аддитивность научно-технического уровня производства и потребления каждого из продуктов. Информационная симметрия будет означать не только обмен информацией о научно-техническом уровне производства и использования каждого продукта, но и совместное функционирование субъектов производственной деятельности, при котором производитель конечным результатом будет видеть не сбыт произведенного им продукта, а его потребление как ресурса производства.

Информационная симметрия принципиально изменит поведение субъектов производственной деятельности:

- производитель будет стремиться к повышению эффективности потребления произведенного им продукта;
- потребитель будет учитывать возможности производителя продукта.

Фактор ценообразования как главный фактор функционирования рыночной экономики станет зависеть от возможности достижения аддитивности научно-технического уровня процессов производства и потребления каждого продукта. Следует подчеркнуть, что межотраслевой характер экономики повлияет на основную функцию ценообразования: стимулирующая функция цен сменится их распределительной функцией, целью которой станет обеспечение возможности самостоятельного воспроизводства ресурсов у каждого субъекта производственной деятельности России.

Именно распределительная функция цен станет тем фактором, который обеспечит беспрепятственный перелив не только финансовых ресурсов, но и научно-технического уровня между производителем и потребителем каждого продукта на основе межотраслевой межфирменной технологической аддитивности параметров производства и потребления. Можно отметить, что подобного рода аддитивность в современном ценообразовании используется лишь в двух методах ценообразования.

1. *Нормативно-параметрический метод ценообразования.* В соответствии с этим методом цены определяются на основе уравнений регрессии, определяющей зависимость уровня цены от технологических параметров возможной эксплуатации продукта как ресурса производства. Недостатком этого метода является отсутствие возможности учета реальных потребительских параметров *ex ante* по отношению к процессу производства продуктов. Информационная асимметрия приводит к тому, что производитель продукта в условиях коммерческой тайны вынужден учитывать потребительские параметры номинально: в частности, на основе каталогов иностранных фирм, производящих аналогичную продукцию. А это практически всегда не совпадает с реальными эксплуатационными возможностями фирмы-потребителя продукта как ресурса производства в России.

И потому использование институционального направления развития как будущего России при эволюции ее экономики и при остающейся информационной асимметрии обрекает российскую экономику на:

¹⁰ Подробнее о возможности обеспечения условий межотраслевого межфирменного сотрудничества см. (Малышев, 2016, с. 353–412).

- догоняющее развитие;
- длительное ожидание эволюции максимизирующего поведения на поведение, характеризующееся стремлением к минимизации транзакционных издержек;
- сохранение деления отраслей на доноры и реципиенты;
- необходимость государственного вмешательства в функционирование микроуровня;
- сложности в достижении технологической аддитивности производства и потребления продуктов.

2. *Метод ценообразования на основе объективно обусловленных оценок Л. Канторовича* (Канторович, 1960). Этот метод следует использовать, если мы хотим добиться повышения научно-технического уровня экономики, так как именно он обеспечит беспрепятственный перелив финансовых ресурсов при межотраслевой межфирменной технологической аддитивности. Межотраслевая межфирменная технологическая аддитивность станет основой финансовой сбалансированности микроуровня экономики и достижения суверенитета экономики России как экономики единого экономического пространства.

Метод ценообразования, основанный на использовании “объективно обусловленных оценок”, при незначительной его модификации, позволит без вмешательства государства добиться сбалансированности экономики в ближайшее время – при том, что это ценообразование будет основано на распределительной функции цен¹¹.

Цена при этом функционировании будет показателем равной возможности самостоятельного воспроизводства ресурсов производства у каждого из партнеров процесса воспроизводства. Дело в том, что “объективно обусловленные оценки” в качестве одного из основных параметров включают эффект потребления¹² (прокатную оценку, по Л. Канторовичу), предполагая тем самым ценообразование, исходящее из парадигмы “потребление – цель производства”, той парадигмы, которая должна стать определяющей для будущего развития экономики России¹³.

Можно отметить, что при “усилении роли государства”, стимулирующего производство продуктов “нового технологического уклада” или же высокотехнологичных продуктов (концепция С. Глазьева), переход России на функционирование как “технологической державы”, несомненно, пойдет быстрее, чем при эволюции ее экономики в сторону институционального развития. Однако следует учесть, что государство при недостатках максимизирующего поведения должно будет обеспечить не только производство высокотехнологичной продукции, но и ее потребление. Если первое при достижении статуса “технологической державы” многими воспринимается как само собой разумеющаяся задача, то второе обычно ускользает от исследователей и разработчиков высокотехнологичной продукции. Бытует мнение, что высокий научно-технический уровень потребительских параметров продукта будет сходу воспринят потребителями этой продукции.

Опыт России (Сколково, “Роснано” и т.д.) показывает, что создание очагов производства новой продукции далеко не всегда означает ее беспрепятственное потребление. При максимизирующем поведении противоречие между производством высокотехнологичных продуктов и их потреблением возрастает, создавая впечатление, что только государство может его разрешить. Конечно, проведение интервенционистской политики не только в производстве, но и в потреблении высокотехнологичных продуктов может ускорить развитие экономики России. Однако в этом случае есть определенная опасность: вернуться к директивному управлению экономикой.

Особенностью предлагаемого нами межотраслевого межфирменного сотрудничества, при первичности потребления по отношению к производству, станет отсутствие транзакционных издержек или же “нулевые транзакционные издержки”, которые в соответствии с теоремой Коуза

¹¹ Более подробно использование распределительной функции цен в будущей экономике России рассмотрено автором в (Малышев, 2012, с. 265–311).

¹² Категория “эффект потребления” – аналог “прокатной оценки” (по Канторовичу) была введена впервые в (Методика определения..., 1974).

¹³ Более подробно возможности использования объективно обусловленных оценок рассмотрены в (Малышев, 2016, с. 353–412).

обеспечивают разграничение прав собственности каждого из субъектов производственной деятельности при отсутствии необходимости правового решения (Коуз, 1993, с. 142–143).

Подобное, на первый взгляд, противоречие означает лишь то, что при нулевых транзакционных издержках правовых решений как решений, определяемых вмешательством права в экономику, не потребуется. Отметим, что вмешательство права как формы управления, одновременно разрешающей противоречия, требуется при современном противоречии между производством и потреблением. Наоборот, забота о партнере станет само собой разумеющейся при информационной симметрии, ликвидирующей основную причину кризисов: несоответствие спроса на продукт и предложения этого продукта¹⁴.

Таким образом, достижение Россией статуса технологической державы будет обеспечено:

- 1) за счет использования парадигмы “потребление – цель производства”;
- 2) за счет введения нового процесса воспроизводства, центром которого будет категория “продукт”;
- 3) при объединении в процессе воспроизводства производителя продукта и потребителя этого продукта как ресурса производства;
- 4) за счет равной возможности самостоятельного воспроизводства ресурсов производства;
- 5) при сбалансированности научно-технического уровня продукта и научно-технического уровня потребления этого продукта как ресурса производства;
- 6) при распределительной функции цен;
- 7) при функционировании экономики России как единого экономического пространства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Блауг М.** (2004). Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. М.: НП «Журнал “Вопросы экономики”».
- Бьюкенен Дж., Таллок Г.** (1997). Расчет согласия. В книге: “Нобелевские лауреаты по экономике”. Джеймс Бьюкенен. М.: Таурус Альфа.
- Веблен Т.** (2007). Теория делового предприятия. М.: Дело.
- Глазьев С.Ю.** (2013). О целях, проблемах и мерах развития и интеграции. Российская академия наук. Научный совет по комплексным проблемам евразийской экономической интеграции, конкурентоспособности и устойчивому развитию. 29.01.2013.
- Канторович Л.В.** (1960). Экономический расчет наилучшего использования ресурсов. М.: Издательство АН СССР.
- Коуз Р.** (1993). Фирма, рынок и право. М.: Дело ЛТД, Catallaxy.
- Мальшев В.Л.** (2013). От производителя к продукту. О возможности “прыжка” в развитии экономики России. М.: Экономика.
- Мальшев В.Л.** (2016). О возможности институционального первенства России. М.: Экономика.
- Маркс К.** (1975). Капитал. Критика политической экономии. Том 1. М.: Политиздат.
- Маркс К.** (1980). Экономические рукописи 1857–1861 гг. (Первоначальный вариант “Капитала”). Часть I. М.: Политиздат.
- Мау В.** (2005). Экономическая политика в 2004 году: поиск модели консолидации экономического роста // *Вопросы экономики*. № 1. С. 4–27.
- Методика определения оптовых цен на новую продукцию производственно-технического назначения (1974). М.: ГК Цен при СМ СССР.
- Нельсон Р., Уинтер С.** (2002). Эволюционная теория экономических изменений. М.: Дело.

¹⁴ Именно эту причину кризиса Й. Шумпетер рассматривает как основную (Шумпетер, 1982, с. 395–400), анализируя возможности возникновения кризисов, исходя из функционирования экономики страны, что, на наш взгляд, актуально для российской экономики при необходимости ее суверенизации.

- Норт Д.** (1997). Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала.
- Ойкен В.** (1995). Основные принципы экономической политики. М.: Прогресс.
- Премьера Путина (2008). Завершающая пресс-конференция президента Путина открыла его новые перспективы // *Российская газета*. 15 февраля. № 33(4590).
- Россия в цифрах (2000). М: Госкомстат России.
- Самуэльсон П., Нордхауз В.** (2007). Экономика. М.: Вильямс.
- Селигмен Б.** (1968). Основные течения современной экономической мысли. М.: Прогресс.
- Словарь по экономике (2004). СПб.: Экономическая школа.
- Уильямсон О.** (2001). Введение. В кн.: *“Природа фирмы”*. О. Уильямсон, Дж. Уинтер (ред.). М.: Дело.
- Ходжсон Дж.** (2003). Экономическая теория и институты. М.: Дело.
- Шумпетер Й.** (1982). Теория экономического развития. М.: Прогресс.
- Эрроу К.** (2004). Коллективный выбор и индивидуальные ценности. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ.

Поступила в редакцию
11.01.2016 г.

REFERENCES (with English translation or transliteration)

- Arrow K.** (2004). *Collective Choice and Individual Values*. Moscow: Publishing House of the HSE.
- Blaug M.** (1992). *The Methodology of Economics or How Economists Explain*. Cambridge University Press. Moscow: NP «Zhurnal “Voprosy e’konomiki”» (in Russian).
- Buchanan J., Tullock G.** (1997). Calculation of Consent. In: *“Nobel Laureates in economics”*. Moscow: Alpha Taurus.
- Coase R.** (1993). *The Firm, the Market and the Law: the Case of LTD*. Moscow: Catallaxy.
- Dictionary on economy (2004). SPb.: Economic School.
- Eucken U.** (1995). *The Basic Principles of Economic Policy*. Moscow: Progress.
- Glazyev S.J.** (2013). On the Aims, Problems and Measures of Development and Integration. Russian Academy of Sciences. Scientific Council on integrated issues of Eurasian Economic Integration, competitiveness and sustainable development. 29.01.2013.
- Hodgson J.** (2003). *Economic Theory and Institutions*. Moscow: Delo.
- Kantorovich L.V.** (1960). *Economic Calculation of the Best Use of Resources*. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR.
- Malyshev V.L.** (2013). From the Manufacturer of the Product. The Opportunity to “Jump” in the Development of the Russian Economy. Moscow: Ekonomika.
- Malyshev V.L.** (2016b). On the Institutional Capabilities of the Championship of Russia. Moscow: Ekonomika.
- Marx K.** (1980). *The Economically Manuscripts 1857–1861. (The original version of “Capital”). Part I*. Moscow: Politizdat.
- Marx K.** (1975). *Critique of the Political Economy of Capital. Vol. 1*. Moscow: Politizdat.
- Mau V.** (2005). Economic Policy in 2004 Year: Model Search Consolidation Economic Growth. *Voprosy ekonomiki* 1, 4–27.
- Method of Determining Wholesale Prices for Products of Industrial and Technical Purpose (1974). Moscow: GC Prices of the USSR.
- Nelson R., Winter S.** (2002). *Evolutionary Theory of Economic Change*. Moscow: Delo.
- North D.** (1997). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Moscow: Nachalo.
- Prime Minister Putin (2008). Final Press Conference of President Putin Has Opened His New Prospects. *Rossiyskaya Gazeta* 15 February, 33(4590).
- Russia in Figures (2000). M: Goskomstat of Russia.
- Samuelson P., Nordhaus B.** (2007). *Economics*. Moscow: Williams.
- Schumpeter J.** (1982). *The Theory of Economic Development*. Moscow: Progress.

Seligman B. (1968). *The Main Currents of Modern Economic Thought*. Moscow: Progress.

Veblen T. (2007). *The Theory of Business Enterprise*. Moscow: Delo.

Williamson O. (2001). Introduction. In: *“The Nature of the Firm”* O. Williamson, Winter J.G. (eds.). Moscow: Delo.

Received
11.01.2016 г.

THE NEED TO CHANGE A MECHANISM OF INDUSTRIAL ACTIVITIES

V.L. Malyshev¹⁵

Abstract. The paper considers the possibility of sovereignizing the Russian economy in the situation of sanctions by industrialized countries. The author submits that the basis for the possible independence of the functioning of the economy should be the improvement of productive activities, which will allow not only for substituting imports, but creating the condition for DOS leads the Russian economy in the present world economic order to a status of “technological power”. Reform the Russian economy in order to achieve this goal, according to the author, one should start with the nuclei of economy – the process of reproduction. The transition to the proposed resources reproduction mode, unifying the operation of producer and consumer, with each product information symmetry inter-sectoral inter-firm cooperation will enable the Russian economy to operate as the economy ex ante and a single economic space.

Keywords: reproduction resources production, micro, macro, enterprise maximizing behavior inter-industry inter-firm relations, inter-sectoral inter-firm cooperation, information asymmetry, information symmetry, productive consumption, consumer manufacturing, organic composition of production resources (capital).

Classification JEL: D.

¹⁵ **Valerii L. Malyshev** – Doctor of Science (Economics), Leading scientific researcher, Central Economics and Mathematics Institute (CEMI), Russian Academy of Sciences, Moscow; malyshev-39@cemi.rssi.ru.